

УДК 347.113

**СИСТЕМНЫЕ СВЯЗИ МЕЖДУ ОБЩИМИ ПОЛОЖЕНИЯМИ
ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА О ВОЗМЕЩЕНИИ ВРЕДА И
ПОЛОЖЕНИЯМИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О КОМПЕНСАЦИИ
МОРАЛЬНОГО ВРЕДА**

Плиева Н. Г.

ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»

Предмет исследования. В статье исследуется проблема возможности применения к правоотношениям, возникающим на основании положений пар. 4 гл. 59 Гражданского кодекса, положений пар. 1 этой же главы. Цель: на основе анализа положений указанных параграфов решить названную выше научную проблему. Методы и методология исследования: углубленный формально-логический анализ законодательных положений параграфов 1 и 4 главы 59 Гражданского кодекса с использованием методологических средств, разработанных выдающимся русским ученым-юристом Е.В. Васьковским и усовершенствованных современными учеными. Результаты исследования: обосновано, что заглавие пар. 1 «Общие положения о возмещении вреда» исключает возможность прямого распространения действия положений этого параграфа на обязательства по поводу компенсации морального вреда, возникающие на основании положений пар. 4 гл. 59 Гражданского кодекса. Но такое правоприменение возможно в порядке аналогии закона. Область применения результатов: Результаты могут быть использованы при применении законодательства о компенсации морального вреда, при подготовке изменений в соответствующие законодательные акты и в учебном процессе. Новизна результатов исследования заключается в выявлении специфики соотношения положений параграфов 1 и 4 гл. 59 Гражданского кодекса. Выводы: уточнение терминологии в Гражданском кодексе, использование в отношении имущественного вреда термина «возмещение», а в отношении морального вреда – термина «компенсация» породило не только проблему согласования терминологии Гражданского кодекса со ст. 53 Конституции, в которой речь идет о возмещении вреда (без его дифференциации на имущественный и моральный), со ст. 136 УПК и ст. 237 ТК, в которых употребляется термин «возмещение морального вреда», но и проблему определения соотношения положений о возмещении вреда и о компенсации морального вреда в самом Гражданском кодексе.

Ключевые слова: имущественный вред; моральный вред; возмещение вреда; компенсация морального вреда; размер компенсации морального вреда.

Проблема системных связей между общими положениями гл. 59 Гражданского кодекса и положениями законодательства о компенсации морального вреда связана с обеспечением защиты прав лиц, которым причинен моральный вред. И уже с этой точки зрения исследования этой проблемы должно быть признано актуальным. Ее актуальность усиливается явно недостаточной ее исследованностью в науке гражданского права.

К проблеме возмещения вреда в разные годы обращались М.М. Агакром, А.М. Белякова, К.М. Варшавский, В.Т. Смирнов., А.А. Собчак, Е.А. Флейшиц, Х.И. Шварц, М.Л. Шиминова, К.К. Яичков и другие ученые. Именно исследованиями названных ученых созданы методологические предпосылки для исследования возмещения вреда в аспекте системных связей соответствующих положений и норм, хотя этот аспект никогда не был специальным предметом исследования.

Целью настоящей статьи является разработка теоретических положений о системных связях между положениями главы 59 Гражданского кодекса о возмещении вреда и положениями законодательства о компенсации морального вреда, которые

(указанные теоретические положения) могли бы быть использованы при совершенствовании и гражданского законодательства и практики его применения.

Гл. 59 ГК имеет название «Обязательства вследствие причинения вреда». Это – очень удачное название. Оно индивидуализирует соответствующие обязательства не по их содержанию, а по юридическому факту, являющемуся основанием обязательств рассматриваемого рода. Если бы законодатель решил указать в названии главы на явления, которые стоят более близко к содержанию соответствующих обязательств, то есть к правам и обязанностям его сторон, он вынужден был бы указывать в названии главы и на возмещение имущественного вреда, и на компенсацию морального вреда. Название же «обязательства вследствие причинения вреда» акцентирует внимание на юридическом факте (причинении вреда), который является сложным в том смысле, что формулировка «причинение вреда» охватывает собою и причинение имущественного и морального вреда и даже причинение репутационного вреда юридическим лицам, о чем более подробно речь будет идти ниже. Однако удача законодателя при выборе названия гл. 59 ГК уже не сопутствовала ему при выборе заглавия параграфа первого этой главы.

Гл. 59 ГК состоит из 4-х параграфов. Параграфы 2, 3 и 4, в принципе, устанавливают специальные правовые нормы соответственно о возмещении имущественного вреда, причиненного жизни или здоровью гражданина, о возмещении имущественного вреда, причиненного вследствие недостатков товаров, работ или услуг, и о компенсации морального вреда. Поскольку эти специальные параграфы посвящены возмещению вреда (имущественного) и компенсации вреда (морального) у законодателя было два варианта выбора заглавия параграфа первого гл. 59 ГК. Первый вариант – озаглавить пар. 1 так, чтобы его положения можно было распространить на все последующие три параграфа гл. 59 ГК, в том числе и на параграф, регулирующий отношения по поводу компенсации морального вреда. Этой цели соответствовало бы заглавие «Общие положения». Второй вариант – озаглавить параграф 1 так, чтобы его положения нельзя было распространять на отношения, регулируемые положениями пар. 4 гл. 59 ГК. Этой цели соответствовало бы заглавие «Общие положения о возмещении имущественного вреда».

Законодатель не выбрал ни первый, ни второй из предложенных здесь вариантов, а изыскал третий – «Общие положения о возмещении вреда». Это заглавие – тоже достаточно определенное: раз в нем указывается на «возмещение» (вреда), то им не может охватываться «компенсация» (морального вреда). В принципе, это – бесспорное утверждение. Но уже при первом приближении заметна потребность распространения положений п. 1 гл. 59 на отношения, регулируемые положениями п. 4 этой главы. Да и законодатель строг в употреблении термина «возмещение вреда» и в отграничении его от термина «компенсация» (морального вреда) только в пределах ГК (даже в пределах ГК (в п. 2 ст. 1101) законодатель употребил слова «возмещения вреда», хотя контексту этого законодательного положения соответствовали слова «компенсация морального вреда»). В Уголовно-процессуальном кодексе ст. 136 имеет заглавие «Возмещение морального вреда», а в тексте этой статьи речь идет о «компенсации за причиненный моральный вред в денежном выражении». Поскольку названная статья предусматривает не только указанную компенсацию, но и принесение извинения реабилитированному прокурором, в соответствующих случаях – сообщение о реабилитации в средствах массовой информации и сообще-

ние по месту работы, учебы или жительства реабилитированного, из этой статьи следует сделать вывод о том, что в ней возмещение морального вреда понимается как родовое понятие по отношению к «компенсации за причиненный моральный вред» в денежном выражении как понятию видовому и другим способам возмещения морального вреда. В Трудовом кодексе в заглавии и тексте ст. 237 речь идет о возмещении морального вреда. Но все эти колебания законодателя не исключают его четкости и определенности при использовании рассматриваемых терминов в ГК. И это должно учитываться при толковании соответствующих терминов и положений гл. 59 ГК, а также при разрешении коллизий между ними.

Правда, возникает деликатный вопрос, связанный с тем, что в ст. 53 Конституции речь идет о возмещении вреда, а судебная практика, в том числе практика Конституционного Суда, толкует это конституционное положение как основание и возмещения имущественного вреда и компенсации морального вреда. Полагаем, что термин возмещение вреда в ст. 53 Конституции должен толковаться в соответствии с тем значением, которое ему придавалось законодательством, действовавшим на время принятия Конституции. На то время в России действовали Основы гражданского законодательства СССР и республик от 31.05.1991. Основы предусматривали возмещение имущественного вреда и морального вреда. Термин «вред» при этом имел значение родового понятия, а понятие имущественного вреда и морального вреда считались видовыми по отношению к указанному родовому понятию. С учётом этого исторического момента и следует толковать ст. 53 Конституции: она предусматривает, используя терминологию действующего Гражданского кодекса, и возмещение имущественного вреда, и компенсацию морального вреда.

Впоследствии законодатель в целях совершенствования гражданско-правового регулирования пошел по пути разделения понятия «возмещения» на два понятия – «возмещение вреда», которое стало применяться к имущественному вреду и «компенсация морального вреда». После этого понятие «возмещение вреда» стало не вполне правильным распространять на компенсацию морального вреда.

Однако за ориентир в российской науке гражданского права, в практике правоприменения и даже при изучении гражданского права в высших юридических учебных заведениях становятся принятыми не преданность закону и не вера в закон, не признание необходимости поиска права и правовых ценностей в рамках закона, не приоритет правовой определенности перед справедливостью, как это принято в немецко-говорящих странах [1, 270]. Наиболее активные в научном творчестве ученые пошли по пути утверждения концепции поиска права за пределами закона, учета при правотолковании политико-правовых резонансов, расширительного и ограничительного толкования, так называемого объективно-телеологического толкования. Справедливость, даже мелочная, стала поводом для резко критической оценки закона. Вот один из сотен и тысяч примеров попыток воплощения в жизнь этой концепции. При комментировании п. 1 ст. 811 ГК А.Г. Карапетов пишет: «Первым днем, за который начинают причитаться проценты, является первый день просрочки... В самой комментируемой норме указано на день, в который сумма займа должна была быть возвращена, но, как представляется, эта формулировка не вполне корректна и не должна пониматься буквально. Иначе получится абсурдный вывод...» [2, с. 418]. Автор упрекает законодателя в некорректности, считает, что совершенно ясная и четкая мысль законодателя не должна пониматься буквально, поскольку из нее сле-

дует абсурдный вывод. Все же, учитывая немецкие, а не американские корни российской цивилистики, к данным утверждениям следует относиться критически и при правоприменении и при изучении курса гражданского права.

При сложившихся условиях некоторое отступление от буквы закона при толковании терминов «возмещение» и «вред» выглядит незаметным или вообще не выглядит. Покажем это на примерах самых авторитетных специализированных изданий. П.В. Крашенинников и Л.Ю. Михеева, комментируя ст. 1064 ГК, пишут: «В широком смысле вред рассматривается как всякое умаление охраняемого законом материального или нематериального блага, любые неблагоприятные изменения в охраняемом законом благо, которые могут быть как имущественными, так и нематериальными... Причиненный вред может быть имущественным и неимущественным (моральным)» [3, абз. 176, 180]. Напомним, что здесь не просто раскрывается содержание термина «вреда», а дается его интерпретация в порядке комментирования ст. 1064 ГК. Но если уж авторы пришли к выводу о том, что ст. 1064 ГК регулирует отношения, на которые распространяется параграф 4 главы 59 Гражданского кодекса, то этот вывод надо было аргументировать или хотя бы дать необходимые пояснения. Л.В. Тихомирова и М.Ю. Тихомиров пишут о возможности применения к отношениям, регулируемым положениями ст. 1099-1101 ГК, ст. 1074 ГК [4, абз.478], откуда следует, что нет препятствий для применения к этим отношениям всех положений параграфа 1 главы 59 ГК. Группа авторов, комментируя статью 1064 ГК, оценивает как удачное определение вреда, которое дано Верховным Судом и в соответствии с которым вред заключается в умалении охраняемого законом материального или нематериального блага [5, абз.72], что и открыло возможность в комментариях к указанной статье вести речь о компенсации морального вреда [5, абз.103]. В комментариях к Гражданскому кодексу возмещение вреда без каких-либо оговорок рассматривается как родовое понятие по отношению к компенсации морального вреда, а отсюда делается вывод о возможном применении положений, установленных параграфом 1 главы 59 ГК к отношениям, регулируемым положениями параграфа 4 той же главы [6, абз.7; 7, п. 3; 8, п. 4; 9, абз. 22]. Проявлением этого же самого подхода является также безоговорочное утверждение, например, о том, что п. 2 ст. 1070 ГК применяется к обязательствам по поводу причинения морального вреда. При этом указывается на то, что вред «возмещается» [10, с. 718]. Даже и в классическом учебнике гражданского права, изданном под редакцией Е.А. Суханова, допускается выражение «возмещение морального вреда» [11, с. 484].

Так актуализировалась проблема соотношения параграфов 1 и 4 гл. 59 ГК: можно ли к отношениям, регулируемым параграфом 4 этой главы применять положения параграфа 1? Постановка этого вопроса не является проявлением стремления к праздной псевдонаучной дискуссии. Она имеет и непосредственное практическое значение, ибо уже распространение п. 1 ст. 1064 ГК на отношения, регулируемые положениями параграфа 4 главы 59 Гражданского кодекса, потребует разрешения коллизии между п. 1 ст. 1064 ГК, не устанавливающим ограничений на возмещение причиненного вреда (выходит, – и морального тоже) и п. 2 ст. 1099 ГК, предусматривающим компенсацию морального вреда, причиненного нарушением имущественных прав, в случаях, предусмотренных законом. Наука гражданского права к разрешению такого рода коллизий попросту не готова. Есть и зарубежный опыт, который может оказывать давление на правосознание субъектов правотолкования и

праовприменения. Так, ст. 1382, 1383 Французского Гражданского кодекса устанавливают общие правила о возмещении вреда, не выделяя имущественного и неимущественного вреда. Современная практика французских судов, пишут К. Цвайгерт и Х. Кётц, «не делает различия между материальным и моральным ущербом» [12, с. 429]. Полагаем, что в Гражданском кодексе России такое различие четко проведено. Законодатель предпринял попытку разрешить указанную выше проблему пунктом 1 ст. 1099 ГК, в соответствии с которым основания и размер компенсации гражданину морального вреда определяются правилами, предусмотренными настоящей главой и статьей 151 ГК. Это законодательное положение тоже является не очень удачным. Параграфы 1-3 главы 59 Гражданского кодекса не содержат каких-либо положений, которые можно было квалифицировать как такие, которые определяют основания компенсации морального вреда. Утверждение о том, что в формулировке п. 1 ст. 1099 ГК имеется в виду, что основания компенсации морального вреда определяются в соответствии со ст. 1064 ГК, означало бы очевидное и недопустимое насилие над буквой закона. Правда, складывается такое впечатление, что научная, и учебная, и научно-практическая литература такое насилие считает приемлемым и повседневным явлением. Неприемлемым считается только обозначение этого явления незвучным и грубым словом «насилие». Для этого есть очень красивые слова типа «нет никаких политико-правовых резонов отрицать, что п. 1 ст. 1099 ГК отсылает к ст. 1064 ГК» (взято из судебной практики). Мы бы все-таки предпочли, чтобы толкование законодательных положений было гораздо более близким к букве этих положений. Это означает, что к обязательствам компенсации морального вреда следует применять, если это не противоречит существу таких обязательств, не только статью 1064 ГК, но также и ст. 1065-1083 ГК, однако исключительно в порядке аналогии закона. Конечно, аналогия закона – не лучший способ провозименения, но он уж во всяком случае лучше, чем насилие над буквой закона, хотя бы оправдываемое ссылкой на небрежность законодателя.

Да и сам законодатель, указав на то, что основания компенсации гражданину морального вреда определяются, в частности правилами гл. 59 ГК (п.1 ст. 1099 ГК), не был уверен в том, что этого достаточно для распространения ст. 1064 ГК на отношения, регулируемые параграфом 4 этой главы, и включил в указанный параграф ст. 1100 ГК «Основания компенсации морального вреда». Но, очевидно, законодатель все-таки не исключал применения к отношениям по поводу компенсации морального вреда ст. 1064 ГК, поскольку основания компенсации морального вреда в ст. 1100 ГК изложил фрагментарно. Эта статья устанавливает только те случаи, при которых моральный вред компенсируется независимо от вины причинителя вреда. Раз устанавливаются отдельные случаи, когда моральный вред компенсируется независимо от вины, то должны быть и общие правила о том, когда не компенсируется моральный вред, а также о том, что условием компенсации морального вреда является наличие вины. Таким общим правилом никак не может считаться п. 1 ст. 1064 ГК. Если это признать, то вследствие совместимости этой как бы общей правовой нормы и специальной правовой нормой, установленной п. 2 ст. 1100 ГК («моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающим имущественное право гражданина, подлежит компенсации в случаях предусмотренных законом»), следует будет прийти к выводу о том, что моральный вред подлежит компенсации всегда, хотя бы он был причинен нарушением имущественных прав.

Такой вывод будет правильным с учетом как совместимости указанных правовых норм, так и того, что правовая норма, которая логически закреплена в п. 2 ст. 1099 ГК, обнаруживается при помощи вывода *a contra* и в соответствии которой моральный вред, причиненный нарушением имущественных прав гражданина, компенсации не подлежит (кроме специально установленных законом случаев), не может конкурировать с правовой нормой, текстуально закрепленной в п. 1 ст. 1064 ГК (если бы эта норма была признана общей в рассматриваемом отношении).

Той же неуверенностью законодателя в возможности применения к отношениям, предусмотренным ст. 1100 ГК, п. 2 ст. 1064 ГК (признающем вину условием ответственности за причиненный вред) обусловлено и повторение применительно к компенсации морального вреда правила п. 2 ст. 1079 ГК об ответственности независимо от вины за вред, причиненный источником повышенной опасности, и правила п. 1 ст. 1070 ГК об ответственности независимо от вины за вред, причиненный органами дознания, следствия, прокуратуры и суда.

В п. 1 ст. 1099 ГК указывается также на то, что и «размер» компенсации морального вреда определяется гл. 59 Гражданского кодекса, а также ст. 151 ГК. Это положение вызывает интерес тем, что свидетельствует об осознании законодателем того обстоятельства, что до того, как он определил в п. 2 ст. 1101 ГК порядок определения размера подлежащего компенсации морального вреда, он определил этот порядок в ст. 151 ГК. Это, конечно, является очевидным дефектом законодательной техники, но также порождает коллизии между ст. 151 и п. 2 ст. 1101 ГК. Они несложные, но это не может быть основанием для вывода о возможности разрешения этих коллизий исключительно с помощью интуиции. Для разрешения коллизии между базовыми нормами указанных статей, следует квалифицировать эту коллизию как коллизию между правовыми нормами, которые преимущественно регулируют одни и те же отношения, а отличаются только по содержанию диспозиций (содержанию устанавливаемых ими критериев определения размера компенсации морального вреда).

Лишь первоначально может сложиться впечатление, что ст. 1101 ГК устанавливает общие правовые нормы, которые распространяются на все отношения по поводу компенсации морального вреда, а специальные правовые нормы, установленные ст. 151 ГК, – только на отношения по поводу компенсации морального вреда, причиненного действиями, «нарушающими личные неимущественные права» гражданина «либо посягающие на принадлежащие гражданину нематериальные блага». Конечно, эта формулировка части первой ст. 151 ГК не может быть признана удачной уже потому, что сам законодатель в части первой ст. 151 ГК допустил компенсацию морального вреда и в других предусмотренных законом случаях (а не только при нарушениях личных неимущественных прав и посягательствах на принадлежащие гражданину нематериальные блага). Но трудно представить себе причинение морального вреда при отсутствии нарушения нематериальных прав и посягательства на нематериальные блага. Поэтому в целях интерпретации части первой ст. 151 ГК следует обратиться к п. 2 ст. 1099 ГК, в соответствии с которым моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежит компенсации в случаях, предусмотренных законом. Выходит, что моральный вред может быть причинен нарушением имущественных прав. Но моральный вред в соответствии с частью первой ст. 151 ГК – это физиче-

ские и нравственные страдания», и причинить такие страдания нарушением имущественных прав непосредственно нельзя. Их возможно непосредственно причинить только посредством нарушения личных неимущественных прав или посягательства на нематериальные блага. Следовательно, моральный вред может причиняться путем непосредственного нарушения личных неимущественных прав или непосредственного посягательства на нематериальные блага либо опосредованного нарушения указанных прав и посягательства на личные нематериальные блага через нарушение имущественных прав. Этот вывод подтверждается ст. 15 Закона «О защите прав потребителей», которая предусматривает компенсацию морального вреда, причиненного нарушением прав потребителя. Это законодательное положение по существу признает, что при непосредственном нарушении имущественных прав потребителя опосредованно (косвенно) нарушаются права неимущественные, чем причиняются потребителю нравственные страдания, т.е. моральный вред. Поэтому Конституционный Суд признал ст. 151 ГК не соответствующей Конституции в той мере, в какой она – по смыслу, придаваемому ей судебным толкованием (в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 статьи 1099 данного Кодекса), – служит основанием для отказа в компенсации морального вреда, причиненного гражданину совершенным в отношении него преступлением против собственности, в силу одного лишь факта квалификации данного деяния как посягающего на имущественные права потерпевшего, без установления на основе исследования фактических обстоятельств дела того, причинены ли потерпевшему от указанного преступления физические или нравственные страдания вследствие нарушения его личных неимущественных прав либо посягательства на принадлежащие ему нематериальные блага» (Постановление Конституционного Суда РФ от 26.10.2021). Даже и в части доказывания факта причинения морального вреда Конституционный Суд решил несколько ослабить требования к потерпевшим, сформулировав правовую позицию, в соответствии с которой в некоторых случаях «факт причинения морального вреда... не может быть сам по себе поставлен под сомнение» (п. 7 мотивировочной части названного Постановления).

Таким образом, сферы действия правовых норм, установленных п. 2 ст. 1099 ГК и ст. 151 ГК совпадают полностью: и в части компенсации морального вреда, причиненного нарушениями личных неимущественных прав или посягательством на нематериальные блага, и в части компенсации морального вреда «в других случаях, предусмотренных законом» (часть первая ст. 151 ГК), что тождественно формулировке п. 2 ст. 1099 ГК, «моральный вред, причиненный действиями (бездействием), нарушающими имущественные права гражданина, подлежат компенсации в случаях, предусмотренных законом».

Диспозиция правовой нормы, которая текстуально закреплена в п. 2 ст. 1101 ГК и предписывает определять размер компенсации морального вреда по критерию характера причиненных потерпевшему физических и нравственных страданий, который (характер) должен оцениваться с учетом всех обстоятельств, при которых был причинен вред, может применяться вместе с диспозицией правовой нормой, текстуально закрепленной в положении предложения первой части второй статьи 151 ГК. Эта последняя диспозиция вообще не содержит указания на такой обобщающий критерий, на который указывается в п. 2 ст. 1101 ГК. Но нельзя отрицать то обстоятельство, что этот критерий охватывается формулировкой «иные заслуживающие

внимания обстоятельства» (часть вторая ст. 151 ГК), хотя стилистически и выглядит неудачным основной критерий определения размера компенсации морального вреда скрывать под формулировкой «иные заслуживающие внимания обстоятельства».

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что часть вторая ст. 151 ГК предписывает при определении размера компенсации морального вреда учитывать степень вины нарушителя, а п.2 ст. 1101 ГК предписывает учитывать степень вины в случаях, «когда вина является основанием возмещения вреда». Требуется разрешить коллизию между этими законодательными положениями и попутно дать интерпретацию взятого в кавычки выражения. Совершенно очевидно, что законодатель при формулировании этого выражения допустил досадную оплошность, которая исключает учет степени вины в случаях, предусмотренных абзацами четвертым и пятым ст. 1100 ГК. Но в случаях, когда закон допускает возмещение имущественного вреда и компенсацию морального вреда независимо от вины, все-таки обычно и фактически имущественный вред возмещается, а моральный – компенсируется при наличии вины. Поэтому степень вины причинителя вреда должна учитываться не тогда, «когда вина является основанием возмещения вреда» (по закону), а тогда, когда вина стала фактическим условием компенсации морального вреда. Так, при причинении морального вреда источником повышенной опасности степень вины причинителя вреда обычно учитывается, поскольку обычно его вина есть. А не учитывается степень вины только в случаях фактического отсутствия вины причинителя вреда. Рассматриваемая формулировка п. 2 ст. 1101 ГК оснований для такой дифференциации не дает. К тому же и сама по себе отсылка к «основаниям возмещения вреда» в статье, регулирующей отношения по поводу компенсации морального вреда, не может быть признана удачной. Она стала поводом для такого утверждения авторов одного из научно-практических изданий: «Степень вины причинителя вреда оценивается в том случае, если наличие вины является основанием для привлечения к такой ответственности (речь идет о компенсации морального вреда. – Н.П.) [4, абз.502]. Аналогичное утверждает и В.А. Белов, не рассматривая при этом соотношение части второй ст. 151 ГК и п. 2 ст. 1101 ГК [13, с.641]. Между тем, соответствующие правовые нормы, текстуально закрепленные в части второй ст. 151 ГК и п. 2 ст. 1101 ГК, являются совместимыми, а каждая из них не может препятствовать применению другой. А правовая норма, которая логически закреплена в п. 2 ст. 1101 ГК, обнаруживается при толковании при помощи вывода *a contrario* и в соответствии с которой степень вины причинителя морального вреда не учитывается, если вина не является основанием возмещения вреда, не может препятствовать применению правовой нормы, текстуально закреплённой в части второй ст. 151 ГК, поскольку правовые нормы обнаруженные при помощи вывода *a contrario*, не способны, как правило, к конкуренции при правоприменении [14, с.326]. Таким образом, в конечном счете мы приходим к выводу о том, что преимущественному применению подлежит правовая норма, которая текстуально закреплена в части второй ст. 151 ГК и в соответствии с которой степень вины учитывается при определении размера компенсации морального вреда всегда, в том числе и в тех случаях, когда компенсация морального вреда производится в соответствии с законом независимо от вины причинителя вреда. А когда вины причинителя вреда нет фактически, то нет и степени вины, которая могла бы учитываться при определении размера компенсации морального вреда. Поскольку научное сообщество на данное время не го-

тово воспринять предложенный инструментарий разрешения коллизии между частью второй ст. 151 ГК и п. 2 ст. 1101 ГК, абзац второй из ст. 151 ГК следует исключить, а из положения предложения первого п. 2 ст. 1101 ГК следует исключить слова «в случаях, когда вина является основанием возмещения вреда». Одновременно пункт 2 ст. 1101 ГК следует дополнить словами «иные заслуживающие внимания обстоятельства», взятыми из абзаца второго ст. 151 ГК, хотя и этого может быть недостаточно. Даже немецкие суды, казалось бы, твердо стоящие на позиции поиска права исключительно в пределах закона, вынуждены иногда отступать от закона и производить под видом возмещения морального вреда «изъятие незаконных доходов», полученных вследствие нарушения прав личности [15, с.260]. О том же пишет и немецкий ученый Р. Алекси [16, с. 8-9].

Наконец, остановимся на вопросе соотношения правовых норм, установленных параграфом 4 гл. 59 ГК и правовой нормы, которая установлена абзацем одиннадцатым ст. 12 ГК и которая предусматривает возможность применения такого способа защиты гражданских прав как компенсация морального вреда. Эта проблема представляется чрезвычайно сложной вследствие того, что в технико-юридическом аспекте вопрос о характере правовых норм, установленных ст. 12 ГК, об их соотношении с более конкретными правовыми нормами, предусматривающими способы защиты гражданских прав в науке не ставился, не обсуждался, а также в силу того, что и законодатель вследствие отсутствия соответствующих научных рекомендаций не использует те технико-юридические средства, которые позволили бы придать законодательным положениям признак определенности, в том числе в части разрешения коллизий между нормами гражданского права.

Речь идет о том, что если бы законодатель изложение нормативного материала в параграфе 4 гл. 59 ГК начал с фразы «моральный вред возмещается только гражданам (физическим лицам) и только в случаях, предусмотренных ст. 151 ГК и настоящей статьей», было бы совершенно ясно, что юридическим лицам, а в случаях, не предусмотренных ст. 151 ГК и 1099 ГК – и гражданам, моральный вред не возмещается, а абзац одиннадцатый ст. 12 ГК в части, противоречащей предусмотренной выше правовой норме, применяться не может. Но законодатель (как и правоприменители) рекомендации науки относительно значения слов «лишь», «только», «исключительно», «не иначе как» для разрешения коллизий между общими и специальными правовыми нормами [14, с. 338-348] не воспринимает. Так и создана проблема соотношения правовых норм, установленных ст. 12 ГК, и специальных правовых норм, предусматривающих способы защиты гражданских прав, в частности правовых норм, установленных ст. 151 и 1099 ГК.

Поскольку специальные правовые нормы, устанавливающие способы защиты конкретных гражданских прав, как правило, являются совместимыми с общими правовыми нормами, предусмотренными ст. 12 ГК, специальные правовые нормы о способах защиты прав не могут исключить применение общих правовых норм, установленных ст. 12 ГК. Но при правоприменении следует учесть судебную практику, которая уже в течение многих десятков лет вообще не считает, что ст. 12 ГК не устанавливает нормы прямого действия. Ст. 12 ГК для такого вывода оснований не дает. А поэтому, по логике вещей, указанная судебная практика не должна была бы применяться как противоречащая закону. Но из процессуальных законов вытекает иное. Процессуальные кодексы (ст. 391.9 ГПК; ст. 308.8 АПК; ст. 341 КАС) еди-

нодушны в том, что нарушение единообразия судебной практики является основанием для отмены или изменения судебных актов в порядке надзора, хотя нарушение судебными актами законов, как правило, таким основанием в соответствии с названными статьями процессуальных кодексов не является. Эти процессуальные положения, вне всякого сомнения, имеют и материально-правовое содержание. Они дают основание для вывода о том, что коллизия между единообразной судебной практикой и установленными законом материально-правовыми нормами должны разрешаться в пользу судебной практики. Таким образом, судебной практике необходимо следовать и в том, что установленные ст.12 ГК правовые нормы не имеют прямого действия. А абзац одиннадцатый ст. 12 ГК не может толковаться таким образом, что он является основанием компенсации морального вреда всегда, когда такой вред причинен. Следовательно, моральный вред подлежит компенсации только в случаях, предусмотренных ст. 151 и 1099 ГК. В остальных случаях моральный вред компенсации не подлежит. В частности, не подлежит компенсации и вред, причиненный юридическим лицам распространением сведений, порочащих их деловую репутацию (так называемый репутационный вред).

Однако в Определении Конституционного Суда от 4 декабря 2003 г. №508-О было указано на то, что «отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения». Все же Конституционный Суд не был уверен и в конституционности и в законности этого утверждения. Поэтому уже в следующем абзаце мотивировочной части своего Определения он сослался на Конвенцию о защите прав человека и основных свобод и практику Европейского Суда по правам человека. Как раз в этом вся суть вопроса, а не в том, что юридические лица могут предъявлять требования рассматриваемого в силу законодательства Российской Федерации: Конвенция была обязательной для России, юрисдикция Европейского Суда по правам человека распространялась на Россию. Но теперь всё изменилось: и Конвенция не обязательна для России, и юрисдикция Европейского Суда по правам человека не распространяется на Россию. Поэтому утратили юридическую силу как источники гражданского права и Определение Конституционного Суда от 4 декабря 2003 г. №508-О и Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда от 18 ноября 2016 г. № 307-ЭС16-8923 по делу № А56-58502/2015, нашедшее отражение в Обзоре судебной практики Верховного Суда № 1 (2017), утвержденного Президиумом Верховного Суда 16 февраля 2017 г. Между тем, в научной литературе правовая позиция Конституционного Суда была безоговорочно поддержана: «Данный вывод был основан на положении ст. 45 (ч.2) Конституции РФ, в соответствии с которым каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом...» [17, абз.38]. Но права и свободы, которые подлежат защите в соответствии со ст. 45 Конституции, до момента начала защиты должны существовать, то есть они должны быть установлены так, как это предусматривают Конституция и закон. Поскольку право на компенсацию репутационных убытков действующее гражданское законодательство ни прямо, ни кос-

венно, ни текстуально, ни логически не закрепляет, оно не может защищаться в соответствии со ст. 45 Конституции.

Автор не утверждает, что она разрешила все поставленные в статье проблемы. Но одно бесспорно: поставленные в ней проблемы нуждаются в дальнейшем исследовании при проявлении максимального внимания к букве закона и обсуждении в научной среде.

Список литературы:

1. Грехениг К., Гелтер М. Трансатлантические различия в правовой мысли: американский экономический анализ права против немецкого доктринализма // Вестник гражданского права. – 2010. – № 6. – С. 207 – 278.
2. Заем, кредит, факторинг, вклад и счет: комментарий к статьям 807–860.15 Гражданского кодекса Российской Федерации [Эксклюзивное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М – Логос, 2019. – 1282с.
3. Обязательства вследствие причинения вреда: Постатейный комментарий главы 59 Гражданского кодекса / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2009. СПС «КонсультантПлюс».
4. Тихомирова Л.В., Тихомиров М.Ю. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью: практическое пособие / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: «Изд. Тихомирова М.Ю.», 2011. СПС «КонсультантПлюс».
5. Комментарий к главе 59 «Обязательства вследствие причинения вреда» Гражданского кодекса Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. / Зуева М. В., Климович А. В., Корнева О.В., Мережкина М. С., Томгосов А.А. СПС «КонсультантПлюс».
6. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая / Гришаев С.П., Свит Ю.П., Богачева Т.В. СПС «КонсультантПлюс».
7. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: В 3 т. (том 3) / Под ред. П.В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2011. СПС «КонсультантПлюс».
8. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть вторая: Учебно-практический комментарий (постатейный) / Под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2010. СПС «КонсультантПлюс».
9. Обязательства вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения: Юридический комментарий / Кудинов О.А. – М.: Городец, 2006. СПС «КонсультантПлюс».
10. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части второй (постатейный) / Под ред. О.Н. Садикова. – М.: Контракт: ИНФРА•М, 1998. – 799 с.
11. Гражданское право: Учебник: в 4 т. / Под ред. Е.А. Суханова. Т.IV. Отдельные виды обязательств. – М.: Статут, 2020. – 544 с.
12. К. Цвайгерт, Х. Кётц. Введение в сравнительное правоведение в сфере частного права. В 2-х тт. – Том 2. – М.: Международные отношения, 1998. – 512 с.
13. Белов В.А. Гражданское право. Т.IV. Особенная часть. Относительные гражданско-правовые формы. – М.: Юрайт, 2013. – 1085 с.
14. Новейшее учение о толковании права / Под ред. В.Г. Ротаня. – Симферополь, 2019. – 792 с.
15. Коциоль Х. Блеск и нищета немецкой цивилистической догматики. Немецкое право – пример для Европы? // Вестник гражданского права. – 2012. - №6 – С. 227-288
16. Алексин Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму). – Москва. Берлин.: Инфротропик Медиа. – 2011. – 192 с.
17. Гаврилов Е.В. Правовые позиции Европейского Суда по правам человека о компенсации вреда, не поддающегося точному денежному исчислению, причиненного умалением деловой репутации организаций // Российская юстиция. – 2017. – № 6. СПС «КонсультантПлюс».

Plieva N. System relations between the general provisions of the Civil Code on recovery for harm and the provisions of legislation on compensation for emotional distress // Scientific notes of V. I. Vernadsky crimean federal university. Juridical science. – 2022. – Т. 8 (74). № 4. – P. 235-246.

Subject of research: The article examines the problem of the possibility of applying to legal relations arising on the basis of the provisions of paragraph 4 of Chapter 59 of the Civil Code, the provisions of paragraph 1 of the same chapter. Purpose: based on the analysis of the provisions of these paragraphs to solve the above-mentioned scientific problem. Methods and methodology of the research: deep formal and logical analysis of the legislative provisions of paragraphs 1 and 4 of Chapter 59 of the Civil Code using methodological tools developed by the outstanding Russian legal scholar E.V. Vaskovsky and improved by modern scientists. Research results: it is proved that the title of paragraph 1 «General provisions on compensation for harm» excludes the possibility of direct extension of the provisions of this paragraph to obligations regarding compensation for emotional distress arising on the basis of the provisions of paragraph 4 of Chapter 59 of the Civil

Code. But such enforcement is possible by analogy of law. Scope of application of the results: The results can be used in the application of legislation on compensation for emotional distress, in the preparation of legislative changes and changes of the educational process. The novelty of the research results consists in identifying the specifics of the correlation of the provisions of paragraphs 1 and 4 of Chapter 59 of the Civil Code. Conclusions: the clarification of terminology in the Civil Code, the use of the term "recovery" in relation to property damage, and the term "compensation" in relation to emotional distress gave not only the problem of reconciling the terminology of the Civil Code with Article 53 of the Constitution, which deals with compensation for damage (without differentiating it into property and moral), with art. 136 of the Code of criminal procedure and Article 237 of the Labour code, in which the term "compensation for emotional distress" is used, but also the problem of determining the ratio of provisions on recovery for harm and compensation for emotional distress in the Civil Code itself.

Keywords: property damage; emotional distress; recovery for harm; compensation for emotional distress; the amount of compensation for emotional distress.

Spisok literatury:

1. Grekhenig K., Gelter M. Transatlanticheskie razlichiya v pravovoy mysli: amerikanskij ekonomicheskij analiz prava protiv nemeckogo doktrinalizma // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2010. – № 6. – S. 207 – 278.
2. Zaem, kredit, faktoring, vklad i schet: kommentarij k stat'yam 807–860.15 Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii [Eksklyuzivnoe izdanie. Redakciya 1.0] / Otv. red. A.G. Karapetov. – M.: M – Logos, 2019. – 1282s.
3. Obyazatel'stva vsledstvie prichineniya vreda: Postatejnij kommentarij glavy 59 Grazhdanskogo kodeksa / Pod red. P.V. Krashennnikova. – M.: Statut, 2009. SPS «Konsul'tantPlyus».
4. Tihomirova L.V., Tihomirov M.YU. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью: практическое пособие / Pod red. M.YU. Tihomirova. – M.: «Izd. Tihomirova M.YU.», 2011. SPS «Konsul'tantPlyus».
5. Kommentarij k glave 59 «Obyazatel'stva vsledstvie prichineniya vreda» Grazhdanskogo kodeksa Rossijskoj Federacii (chast' vtoraya) ot 26 yanvarya 1996 g. № 14-FZ. / Zueva M. V., Klimovich A. V., Korneeva O.V., Merezhkina M. S., Tomtosov A.A. SPS «Konsul'tantPlyus».
6. Postatejnij kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. CHast' vtoraya / Grishaev S.P., Svit YU.P., Bogacheva T.V. SPS «Konsul'tantPlyus».
7. Postatejnij kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii, chasti vtoroj: V 3 t. (tom 3) / Pod red. P.V. Krashennnikova. – M.: Statut, 2011. SPS «Konsul'tantPlyus».
8. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii. CHast' vtoraya: Uchebno-prakticheskij kommentarij (postatejnij) / Pod red. A.P. Sergeeva. – M.: Prospekt, 2010. SPS «Konsul'tantPlyus».
9. Obyazatel'stva vsledstvie prichineniya vreda i neosnovatel'nogo obogashcheniya: YUridicheskij kommentarij / Kudinov O.A. – M.: Gorodec", 2006. SPS «Konsul'tantPlyus».
10. Kommentarij k Grazhdanskomu kodeksu Rossijskoj Federacii chasti vtoroj (postatejnij) / Pod red. O.N. Sadikova. – M.: Kontrakt: INFRA•M, 1998. – 799 s.
11. Grazhdanskoe pravo: Uchebnik: v 4 t. / Pod red. E.A. Suhanova. T.IV. Otdel'nye vidy obyazatel'stv. – M.: Statut, 2020. – 544 s.
12. K. Cvajgert, H. Kyotc. Vvedenie v sravnitel'noe pravovedenie v sfere chastnogo prava. V 2-h tt. – Tom 2. – M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1998. – 512 s.
13. Belov V.A. Grazhdanskoe pravo. T.IV. Osobennaya chast'. Otnositel'nye grazhdansko-pravovye formy. – M.: YUrajt, 2013. – 1085 s.
14. Novejshee uchenie o tolkovanii prava / Pod red. V.G. Rotanya. – Simferopol', 2019. – 792 s.
15. Kociol' H. Blesk i nishcheta nemeckoj civilisticheskoy dogmatiki. Nemeckoe pravo – primer dlya Evropy? // Vestnik grazhdanskogo prava. – 2012. - №6 – S. 227-288
16. Aleksin R. Ponyatie i dejstvitel'nost' prava (otvet yuridicheskomu pozitivizmu. – Moskva. Berlin.: In-frotropik Media. – 2011. – 192 s.
17. Gavrilov E.V. Pravovye pozicii Evropejskogo Suda po pravam cheloveka o kompensacii vreda, ne poddayushchegosya tochnomu denezhnomu ischisleniyu, prichinenного umaleniem delovoj reputacii organizacij // Rossijskaya yusticiya. – 2017. – № 6. SPS «Konsul'tantPlyus».